

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

(вторая половина XIX – начало XX вв.)

З.В. КАНУКОВА, Э.Ш. ГУТИЕВА

В отечественной этнологии долгое время город рассматривался как элемент цивилизации, разрушающий традиционную культуру этноса. Интересы этнологов замыкались в пределах сельской культуры, а принесенные в город традиции считались обреченными на исчезновение в условиях модернизационных перемен. Исследовательский интерес к традиционной культуре, сохраняющейся и развивающейся в городском пространстве, проявился около трех десятилетий назад, когда советские этнографы поставили вопрос о необходимости этнографического изучения города. В частности, М.Г. Рабинович, рассматривая традиционную культуру в русском феодальном городе, призывал к исследованию народных традиций во взаимодействии с культурой городов всех предшествующих эпох [1, 33; 2]. Ряд интересных исследований этнокультурных проблем связан с урбанизационными процессами в российских городах в XVIII – начале XX вв. [3-8]; в последние годы развитие этнографии города сосредоточено на современности, а самым популярным объектом исследования является городской фольклор [9-11].

Истоки и исторический опыт взаимодействия народной культуры с го-

родским образом жизни тесно связаны с пореформенными городами, где активно проходили процессы экономической, общественной и культурной модернизации. В региональной историографии наметилась тенденция изучения города как сосредоточения различных культурных традиций и развивающихся новаций, но основное внимание уделяется городу как фактору общественной модернизации [12-16].

Социально-культурная практика многих поколений горожан, подтверждающая самообновленческие функции этнической культуры, значительно актуализировала проблематику модернизирующих возможностей традиционной культуры, способствовала формированию современных парадигм теории модернизации, включающих представления о позитивном потенциале этнических традиций, а также появлению интересных проектов этнокультурного брендинга элементов традиционной культуры как ресурса инновационного развития [17].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения традиционной культуры, функционирующей в городском пространстве Терской области в эпоху пореформенной модернизации. Наряду с архивными и опубликованны-

ми материалами максимально использован высокий информационный потенциал дореволюционной периодики, привлечены нетрадиционные источники – городская хроника, реклама, различные объявления и сообщения, в которых сохранилась яркая культурно-историческая информация по городской повседневности, характеризующая как традиционные, так и новые, урбанизированные, этнически не маркированные явления бытовой культуры горожан. Городская хроника и реклама содержат уникальный и разнообразный материал, который подвергнут анализу на предмет происхождения и особенностей бытования отдельных фактов культурной жизни. Далеко не все из них закрепились в городской обыденности и перешли в традицию, поэтому отбирались только те факты, упоминание о которых неоднократно повторяется в прессе в течение изучаемого периода, а также подтверждается другими материалами.

Вторая половина XIX в. стала важным этапом в становлении и развитии городских поселений на Северном Кавказе, значительная часть которых выросла из крепостей-форпостов. Города Терской области – Владикавказ, Грозный, Кизляр, Нальчик, Пятигорск, Георгиевск, Моздок – постепенно утрачивали свою первоначальную роль военных крепостей и становились административными, экономическими и культурными центрами. Они играли большую роль в установлении российско-северокавказских отношений, способствовали интеграции региона в российское экономическое, социальное и культурное пространство.

Изначально города Терской области формировались как полиэтничные и поликонфессиональные образования, включавшие наряду с местными

народами представителей европейских и восточных этносов: армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов и некоторых других народов. Жителей новых городов объединял статус горожан, общие процессы адаптации к урбанизированному хозяйству и культуре. Разные по численности, социальному составу, по уровню инкорпорации в хозяйство и общественно-культурную среду региона, горожане первых поколений были в своем большинстве носителями аграрной культуры [18, 65] и вырабатывали в городской среде модели жизнеустройства, позволявшие им сохранить этническую идентичность.

Практически все мигранты из деревни концентрировались в землячествах, что приводило к консервации традиционной культуры, ценностной системы, образа жизни. На первых порах они стремились к компактному поселению, создавали в городах национальные кварталы, слободки или улицы. Во Владикавказе сформировались осетинская слободка, польский квартал, армянская улица, грузинский район; в Грозном и Моздоке каждая этническая группа имела свой район; в Нальчике была основана немецкая колония, горско-еврейская слободка, два русских района; в Кизляре – казачья станица, армянская, грузинская и чеченская слободки, еврейский и татарский кварталы, черкесский аул.

Исторический опыт жизнеустройства городских сообществ, независимо от их конфессиональной принадлежности, подтверждает, что обязательным событием в ходе адаптационного процесса и дальнейшего этнокультурного развития было строительство своего религиозного храма, вокруг которого появлялись первые национальные школы, а позднее – культурно-просве-

тительские, благотворительные, хозяйственно-экономические и другие структуры, взаимосвязанные общей идеей жизнеустройства и сохранения национальной идентичности в новых условиях.

Городские храмы выполняли религиозно-культовую, интеграционную, регулятивную, благотворительную, культурно-просветительскую, коммуникативную и другие функции. Во Владикавказе функционировали Осетинская церковь Рождества Пресвятой Богородицы, армяно-григорианская церковь, грузинская и греческая православные церкви, татарская (суннитская) и персидская (шиитская) мечети, еврейская синагога, лютеранская кирха, польский католический костел и др. Изучение их истории приводит к выводу о специфике национальных церквей, выполнявших для своих прихожан не только традиционные функции религиозного просветительства и культовой практики, но и сохранения национальной самобытности в иноэтничном окружении. Религиозное поведение, культовые действия верующих – часть традиционной духовной культуры этноса, поэтому национальный храм был хранителем традиций.

В иноэтничном и иноконфессиональном окружении, когда религиозная принадлежность становилась этноопределяющим признаком, храм был не только центром конфессиональной жизни, но и средством сохранения национальной самобытности, фактором внутриэтнической консолидации. Не оспаривая общепринятого тезиса о том, что поводом к организации религиозного учреждения для последователей какого-либо вероучения является потребность в отпавлении религиозного культа, отметим, что не менее серьезным мотивом становилась особенность

религии, которую принято определять как психотерапевтическую или иллюзорно-компенсаторную функцию. Люди, пережившие тяжелые исторические потрясения, потери, бытовые, языковые и другие адаптационные сложности, испытывали неуверенность в завтрашнем дне и находили утешение в «своем» боге, в своей вере. Церковь становилась для них местом удовлетворения потребностей в национальном, земляческом общении, средством внутриэтнической консолидации, способом сохранения своей этничности.

Регулятивная функция национального храма особенно эффективно проявлялась в первичной социализации молодежи. Этот процесс включает различные формы приобщения детей к храму, получение религиозного образования, воспитания.

Важным звеном в этой системе была национальная школа, призванная осуществлять наряду с образовательными целями межпоколенную трансляцию этноконфессиональных традиций. Все городские храмы заботились об образовании и занимались школьным строительством. Одной из главных задач национальной школы было сохранение родного языка, изучение которого являлось обязательным условием ее деятельности. В образовательные программы включалось преподавание соответствующего вероучения (православного, армяно-григорианского, римско-католического, лютеранского, иудейского, исламского и др.), что служило механизмом передачи национально-конфессиональных традиций молодому поколению. Школы создавались и содержались за счет хорошо организованной благотворительной деятельности и выполняли функции этнокультурных центров для своих этнических сообществ. Вместе с тем, они не были замкнутыми

структурами: изучение отечественной истории, географии и русского языка было направлено на формирование общероссийской идентичности. В становлении системы образования участвовали все без исключения этнические группы. Об этом свидетельствует наличие у каждой из них своей школы или училища, в основном духовных. Во Владикавказе, например, были открыты осетинские школы, немцы основали евангелическо-лютеранское училище, поляки и литовцы – римско-католическое, греки и армяне – школы и училища при своих церквях, персы – магометанское новометодное училище «Навруз», у евреев была школа при синагоге, у татар и кумыков – при суннитской мечети. В Моздоке при церкви Моздокской Иверской Богоматери была открыта начальная школа для девочек-осетинок, женское армянское церковно-приходское училище [19, 92-93].

В городах основывались и светские национальные школы, но, согласно правительственному положению «О туземных школах» 1881 г., они строились и содержались на средства попечителей, без государственной поддержки. В роли попечителей часто выступали церкви, а также отдельные представители городских национальных общин.

Национальные благотворительные и культурно-просветительские организации стали результатом влияния российской городской культуры. В середине XIX в. для многих российских городов была характерна активизация благотворительной деятельности. Правительство выделяло совершенно недостаточные средства на развитие народного образования, здравоохранения и социального обеспечения. Функционирование этих сфер было невозможно без частной благотворительности.

Во многих городах Терской области создавались благотворительные, культурно-просветительские, научные, театральные, литературные, художественные и спортивные общества, деятельность которых носила массовый, светский характер. Благотворительное общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа, Кизлярское общество грамотности, Владикавказское Отделение общества распространения грамотности среди грузин, Общество просвещения ингушского народа Назрановского округа, Хасав-Юртовское общество «Просвещение» и ряд других пропагандировали образование, светский образ жизни и культурный досуг, способствовали развитию искусства, научного мировоззрения и расширению кругозора. Но они содержали и мощный ресурс сохранения и развития традиционной культуры. Согласно уставным документам, многочисленные благотворительные и культурно-просветительские общества имели право «для усиления своих средств» устраивать концерты, спектакли, публичные чтения, народные гулянья и другие мероприятия. Большую часть денежных средств общественные организации зарабатывали устройством массовых увеселительных мероприятий – благотворительных вечеров, розыгрышей, маскарадов, карнавалов, народных гуляний, костюмированных вечеров с танцами, конфетти, серпантинном, шоколадными фигурами с сюрпризами. Но кроме этих европейских форм проведения досуга в программу деятельности различных обществ активно включались элементы национальной культуры. Так, во Владикавказе «Общество любителей казачьей старины», созданное с целью изучения истории и культуры казачества, намеревалось проводить «всестороннее исследование казачьего

быта, снаряжение экспедиций и экскурсий, сбор коллекций, книг, рукописей, устройство публичных лекций, бесед и диспутов» [20, 132]. Непременным атрибутом мероприятий были казачьи песни и танцы, нарядные костюмы и праздничные блюда.

Осетинское культурно-просветительское общество «Ир», получившее право издавать на осетинском и других языках периодику, книги, брошюры и художественные произведения, популяризировало свою традиционную культуру: издавало народные сказки, предания, проводило культурно-просветительские мероприятия с осетинскими танцами и песнями [20, 131].

Нальчикское, Владикавказское благотворительные общества, Персидское благотворительное общество «Химмат», азербайджанское мусульманское благотворительное общество «Муруват», «Кизлярское еврейское благотворительное товарищество «Хагето», «Кизлярское армянское благотворительное общество», «Владикавказское отделение Тифлисского общества распространения грамотности среди грузин», «Владикавказское отделение армянского благотворительного общества на Кавказе» [21, 3] и другие часть доходов получали за счет организации литературных чтений, лекций, концертов, маскарадов, спектаклей, лотереи и народных гуляний.

В рассматриваемое время по всей России происходила трансформация народного гулянья, которое превращалось в организованное мероприятие с современными видами художественного творчества и формами массовой культуры. Структура этого действия была довольно динамичной, время вносило в нее новые элементы. В начале 1880-х гг. гулянья проходили с иллюминацией, воздушными шарами, бенгаль-

скими огнями и фейерверками разных видов. Народные гулянья, устраиваемые национальными общинами, имели свою специфику, отражавшую духовную культуру этноса. Современники отмечали разнообразие национальных костюмов гуляющей публики, организацию площадок, на которых исполнялись национальные танцы с участием «туземцев и туземных девиц» в костюмах, исполнение «азиатских» песен под барабан [22, 52; 23, 64] и т.п. Сохранилось описание таких гуляний в старом Владикавказе. Осетинские народные гулянья сочетали национальные и современные формы культуры: постановка оперетты на осетинском и русском языках, осетинские танцы, «летучая почта», конфетти, продажа книг и цветов, хор балалаечников, присутствие гостей из осетинских селений [24, 78]. Грузинское общество в 1917 г. устроило большое гулянье в городском саду в помощь Владикавказскому грузинскому бесплатному училищу. Сад был иллюминирован, играли румынский оркестр, оркестр Терского казачьего войска, грузинские «сазандари», два грузинских хора – карталино-кахетинский и имеретино-рачинский. Национальные танцы и песни исполнялись на призы. Были устроены и такие современные развлечения, как фейерверк и воздушные шары пиротехника Николаева [25, 44].

Под влиянием российской моды в городах Терской области получили распространение танцевальные вечера, были основаны даже специальные Советы распорядителей семейно-танцевальных вечеров, определялись даты открытия летних и зимних сезонов. Со временем наряду с европейскими танцами стали исполняться и «туземные». В Моздоке первый «туземный» концерт был зафиксирован в 1874 г., во Влади-

Кавказе осетинские, армянские, грузинские и другие танцы устраивались на вечерах и народных гуляньях местными национальными общинами [19, 96]. Это был один из немногих этнически маркированных элементов городского досуга. Национальная музыка и танцы становились частью общегородской культуры.

Музыкальная традиция в городах Терской области имеет свою историю, в которой определенное место занимает национальная музыка. Народная музыка и народные музыкальные инструменты были неотъемлемой частью духовной культуры городского населения: русских, осетин, кабардинцев, кумыков, армян, грузин и др. Но сфера ее бытования не ограничивалась национальной обрядовой жизнью. Она переходила в городскую культуру, становилась обязательным компонентом городских развлечений, устраиваемых этническими группами. Корреспонденты местных газет, описывая различные культурные мероприятия, часто отмечали наличие «туземной музыки» и «туземных танцев» [20, 147]. Это явление достаточно четко просматривается в описаниях народных гуляний, вечеров, спектаклей, дивертисментов. Введение преподавания музыки и пения в учебных заведениях сыграло большую роль в распространении музыкальной культуры. Если прежде занятия музыкой были обязательной составляющей домашнего воспитания дворян, то в 1870-1880 гг. они стали более доступны горожанам. В это время появлялись первые профессиональные музыканты, которые занимались переложением горских мелодий на ноты.

Такие стабильные институциональные формы городской культуры, как театр, музеи, библиотеки и др. также содержали в себе возможности для со-

хранения и популяризации традиционной культуры. В 1869 г. во Владикавказе был основан театр, один из старейших на Северном Кавказе. Уже в 1870-х гг. современники отмечали, что благотворительные спектакли «решительно вошли в моду», что театр внес большие изменения в однообразную жизнь, давал эстетическое наслаждение, способствовал подъему образовательного уровня. Отметим также, что городской театр способствовал появлению национальных драматических кружков – осетинского, армянского, грузинского, еврейского, татарского.

Кроме культурного просветительства они выполняли функцию популяризации традиционной культуры и внутриэтнической коммуникации. Осетинский кружок любителей театрального искусства ставил спектакли на осетинском и русском языках. Особой популярностью у зрителей пользовалась драма «Хазби» Е. Бритаева, оперетка «Фаризат» А. Кубалова, «Дети гор» Д. Кусова, «Осетины в России» Хубаева. В постановке осетинской пьесы «Дети гор» Д. Кусова принимал участие Евгений Вахтангов – выдающийся мастер театрального искусства, тогда еще гимназист, активный участник любительских кружков. Представления завершались осетинскими танцами, а со временем спектакли стали сопровождаться декламацией стихотворений, лотереей-аллегри, «летучей» почтой, европейскими танцами и другими современными формами городской культуры. Спектакли ставились в благотворительных целях: для создания фонда по изданию газеты на осетинском языке, для оказания помощи осетинской молодежи, обучающейся в России, а также для общегородских нужд.

Большой популярностью в городе пользовался армянский драматический

кружок, преобразованный позднее в армянское литературно-художественное общество, в котором наряду с любителями периодически работали профессиональные актеры. С их участием были поставлены самые популярные спектакли «Шушаник», «Борьба армян с персами», комедия «Хатабала», водевиль «Особый вечер в деревне». Постановки проходили в армянском церковно-приходском училище, на сцене городского театра. Вырученные средства использовались армянским благотворительным обществом.

Еврейская община также уделяла большое внимание своему театральному кружку. На еврейском и русском языках были поставлены драмы «Жертва Исаака», «Мирра Эфрос», водевиль «Поздравляю», часто разыгрываемый еврейской молодежью. Кружок имел большую зрительскую аудиторию. Сбор от спектаклей и литературно-музыкальных вечеров использовался не только для нужд еврейского общества, но и на общегородские мероприятия – например, в пользу владикавказской общественной библиотеки [24, 27].

В городе были популярны и грузинские любители театра. Театральные постановки проходили в здании грузинской школы. В дивертисментах публику забавляли рассказами и сценками из народной жизни. Театральные кружки безусловно выполняли функцию внутриэтнической коммуникации, удовлетворяли потребности людей в земляческом общении, способствовали развитию национальной культуры.

Неотъемлемой частью городской культуры были музеи – музей Терского казачьего войска, музей М.А. Шульца, известный экспозицией исторических и анатомических восковых фигур, Терский областной музей и другие. В марте 1893 г. общественность города подняла

вопрос о необходимости сохранения памятников исторического прошлого, разбросанных по всей территории области. В том же году избрали особую комиссию по организации музея и начали сбор материалов по этнографии, истории, археологии и географии края. Появление музеев было свидетельством того, что в образованных кругах городского общества осознавалась необходимость сохранения и изучения культурного наследия. Музеи представляли для этого широкие возможности.

Во второй половине XIX в. в Европе появляются принципиально новые способы художественного творчества, порожденные развитием техники – фотография и кино. 16 июня 1897 г. кинематограф появился и во Владикавказе. К началу XX в. кинотеатры, или, как их тогда называли, электробиографы, появились в Нальчике, Грозном, Моздоке, Пятигорске и других городах. В репертуаре владикавказских кинотеатров было много документальных кинолент, рассказывавших о новых достижениях в науке, технике и медицине. Многие фильмы знакомили зрителей с природой России, историческими местами и достопримечательностями Кавказа: например, «Горы Кавказа», «Из Млета во Владикавказ».

В начале XX в. во многих городах Терской области стала развиваться спортивная культура, появлялись профессиональные гимнастические системы, актуализировались и стали развиваться в новых формах традиции семейного физического воспитания. К примеру, популярный у осетин вид спорта – борьба – получил развитие во Владикавказе, были открыты школы борьбы и атлетики; самой популярной была школа Сергея Рамонова.

Горожане сохраняли традиционные структуры обыденности. Их досуг во

многим определялся нормами обрядовой жизни, стремлением к внутриэтническому и внутригрупповому общению, которое обеспечивалось и коммуникативной функцией национальных обществ. Развитие национальной культуры горожан проходило в одинаковых унифицированных городских формах через систему народного образования, деятельность национально-культурных обществ, культурно-просветительских учреждений, периодическую печать, книгопечатание, театр, литературно-драматические кружки и т.п. Но каждая национальная община вкладывала в эти формы свое содержание, свою духовную культуру.

Соотношение принесенных в город традиций с процессами европеизации и урбанизации определяло динамику развития традиционной семейной организации. Процессы урбанизации заметно отразились на традиционной семейной организации. Рассмотрим эти изменения на примере городских осетин Владикавказа. Традиционная осетинская семья переживала процесс распада, в ходе которого складывалась промежуточная паллиативная форма – «неразделенная семья». Она отличалась от традиционной большой семьи меньшей численностью и, как правило, была двухпоколенной. Ведущей формой семейной организации городских осетин следует признать сочетание неразделенной и малой семьи. Особенностью семейного быта городских осетин была сохранявшаяся долгое время традиция совместного проживания родственников по мужской линии, которая в основном распространялась на учащуюся молодежь. Новацией городского семейного быта стали неполные семьи, в которых отсутствовал глава семьи, а старшее поколение было представлено женщинами. Такая ситуация могла

стать следствием широко распространенного отходничества, а также военной службой. Сословная интеграция привела к такой новации, как межсословные браки: «2/5 из числа браков, в которых возможно установить сословную принадлежность обеих сторон, заключены между представителями разных сословий. В условиях горной Осетии такое соотношение было невозможно» [27, 63]. Широкое распространение получили браки между представителями разных ущелий, известны и межнациональные браки. Вместе с тем, в городе долгое время сохранялись традиционный регламент общения между членами семьи, обрядность основных событий жизненного цикла, этикетные нормы повседневного быта и другие явления социальной, духовной и материальной культуры.

Представители этнических групп, поселяясь в городе, приносили с собой отдельные технические приемы, конструкции, свойственные традиционному жилищному строительству в местах прежнего обитания, но попытки их применения корректировались реальными условиями городского жизнеустройства и законодательства.

Этнокультурная специфика сохранялась в интерьере жилья, предметы быта выполняли не только утилитарные функции, но и создавали особый психологический комфорт обитателям городских домов. В различных источниках зафиксированы сохранность осетинского «хадзара» – места для приема гостей и центра внутрисемейного общения, традиционной мебели и утвари; грузинских домов с балконами и декорированными лестницами, кресел для главы семейства «савардзели», богато орнаментированных сундуков «сатта-лавре» и «кидобани», каминов; греческих залов с высокими потолками и

ажурными перилами, «красных углов»; русских печей, лавок и ритуальных мест для икон; польских и украинских расшитых полотенец и фартуков; немецких отлитых из сала свечей и кружевных занавесок; армянской гостиной «ацатун» с традиционной печью «тандыр», кованных сундуков; татарских кувшинов и ковриков для намаза и других предметов быта [28].

Предметы традиционной культуры являлись важными элементами сложной системы повседневности, но вещные ценности горожан подвергались воздействию рынка, городской дом наполнялся широким ассортиментом новинок, в числе которых предметы интерьера от известных торговых домов, городских магазинов и мастерских [29, 59; 26, 6]. Востребованность новых элементов повседневной культуры определялась не только традицией, но и социальной принадлежностью и материальным достатком горожан.

Праздничная жизнь полиэтничного города отличалась необычайным разнообразием. Каждая этническая группа, религиозная община, профессиональное сообщество имела свою специфичную праздничную культуру. Но перемещение осетинских, армянских, греческих, грузинских, русских и других народных праздников в новую городскую среду, к тому же иноэтничную, не могло оставить их неизменными. В городском пространстве подвергались разрушению отдельные элементы обрядности, строгость регламентации, уходило из памяти многие исконные мотивировки праздничных действий, менялся состав участников. Зрелищно-развлекательные элементы традиционных праздников приближались по форме к городским народным гуляньям. Например, бытовавший в древности ритуал катания пасхальных

яиц трансформировался в праздничное действие – катание на качелях и карусели. Со временем программа «народного» праздника становится гораздо разнообразнее, пополняясь массовыми зрелищными мероприятиями, среди которых представления цирка Милюгина с «чемпионатом» борцов, фокусы дрессированных собак, выступления «королевы огня», глотающей зажженную папку, «театр Калиостро». Во Владикавказе Общество по устройству народных чтений устраивало народные гулянья. На площади устанавливались карусели, бесплатные «гигантские шаги», балаганы, тир. Большим развлечением для гуляющей публики был бег в мешках на призы, силомер. В праздничную программу входило хоровое пение, музыка, фейерверки [30, 278].

Известно, что в древнюю святочную праздничность входили такие формы, как колядование, гадания, различные увеселения и подвижные игры, в том числе катание на санях со снежных гор и т.д. Во второй половине XIX – начале XX в. в праздничной культуре городов Терской области сохранялись некоторые святочные обряды. По свидетельству очевидцев, в святочные вечера по городским бульварам разгуливали целые толпы ряженных, на улицах устраивались катания на санях. В программу зимних народных гуляний впервые были включены снежные «горы» и катки для «публики, любящей справлять праздник во всю ширь натуры» [26, 2]. Наряду с такими современными явлениями, как бенгальский огонь, елочные свечи, зажигательные нитки, фейерверки и воздушные шары сохранялись национальные праздничные традиции разжигания костров. На Осетинской и Владимирской слободах Владикавказа, Моздока устраивали ритуальные костры – для «защиты от злых сил». Есть и другие объясне-

ния этого обычая. По одной версии, во время рождения Христа было холодно, а костер разожгли, чтобы согреть новорожденного; по другой – костер следует рассматривать как выражение радости по поводу благой вести – Рождества Христова. В праздничную ночь готовилось угощение для домочадцев и гостей. Считалось, что изобилие на столе является залогом сытной жизни в будущем. У многих горожан сохранялся обычай рождественского дарообмена. Бытовали вечеринки, игрища, «ряжения», гадания, колядование с пожеланиями богатства, урожая, плодородия скота, благополучия хозяевам дома. Осетинская молодежь, желая оказать «Обществу распространения образования и технических знаний среди горцев» посильную помощь, устраивала комические представления в домах своих соотечественников. Это был вариант традиционного осетинского колядования с исполнением песни «Хадзаронта», содержащей поздравления и пожелания благополучия хозяевам дома [31, 2]. Владикавказское грузинское общество устраивало традиционные грузинские вечера с танцами и пением, а собранные средства использовались для нужд этого общества, для грузинской бесплатной школы [32, 3].

Усиливалась официальная часть праздника: становились обязательными публичные торжественные речи областного и городского начальства, военный парад, военный оркестр, официальные обеды и ужины. Государство активно вторгалось в праздничную жизнь, рассматривая публичные увеселения как способ для разрядки общественного недовольства и укрепления власти. Этим объясняется стремление привлечь к празднику как можно больше горожан. Городская Дума Владикавказа проявляла заботу о различных

группах городского населения – водителях трамваев, торговцах и др., старалась сократить их рабочее время в праздничные дни, дать возможность отдыхать «по-христиански». Учитывались интересы и других конфессиональных обществ – мусульман и иудеев, которые также освобождались от работы в дни своих праздников. Таким образом, преследуя совершенно иные цели, городские власти по сути создавали условия для сохранения традиции.

Самой динамичной была культурно-развлекательная сторона праздника. Развитие художественного творчества, достижения техники, рост духовных и эстетических потребностей менял сознание и вкусы интеллигенции, хорошо знакомой с формами высокой культуры – театром, классической музыкой, эстрадой. Эту часть горожан уже не привлекали балаганы, качели и карусели. «Народный» праздник оставался уделом простолюдинов. Сословный принцип устройства городских праздников учитывали и предприниматели, предоставлявшие городской элите престижные и дорогостоящие зрелища, а основной массе горожан – развлечения, не требующие особых затрат. Праздничное веселье как атрибут традиционного торжества уходило в домашне-бытовую сферу, становясь неуместным в официальном празднике. Но и домашний праздник тоже претерпевал изменения: городская знать предпочитала ему «семейные вечера» в клубах или домах высокопоставленных горожан. Основная масса жителей города сохраняла домашний праздник как средоточие традиций, обычаев, свободного общения, танцев, веселья. Реальная динамика этнокультурного развития порождала синтез традиций и новаций, связанных с художественным творчеством и достижениями техники. В жизнь горо-

жан входили новые праздники, однако и в них обнаруживались этнические маркеры. Город оказывал серьезное воздействие на традиционную праздничную жизнь этнических групп, в ней появлялось много новаций, связанных с развитием урбанистической среды, с коммерческим подходом к организации праздничных мероприятий. Но эти ресурсы городской культуры в конечном счете способствовали укреплению традиции в ее обновленном варианте.

Важно отметить, что урбанистическая среда предлагала механизмы активизации инновационного потенциала традиционной культуры, к числу которых могут быть отнесены национальные городские храмы, ремесленные мастерские и цехи, система бытового обслуживания, национальные учебные заведения, благотворительные и культурно-просветительские общества, различные виды профессионального искусства, периодическая печать, книгопечатание и пр.

Каждая этническая группа вкладывала в эти унифицированные формы городской культуры свое содержание, свою духовную культуру. Родной язык изучали в городских школах; народная музыка перекладывалась на ноты; сказ-

ки, мифы, легенды, эпические произведения включались в письменную культуру и книгоиздательскую практику, ставились на театральные, в том числе любительских, сценах; предметы народного быта перемещались в городские музеи.

Традиционная культура стала предметом научного описания российскими учеными и многочисленными представителями местной интеллигенции, которые считали своим нравственным долгом составить очерк о своем родном селении, об обычаях и обрядах, характеризующих различные стороны жизни горских народов. Такие этнографические очерки публиковались в местной периодической печати, «Сборнике сведений о Кавказе», «Сборнике сведений о кавказских горцах» и др.

Модернизационные процессы содержали угрозу внешних вызовов для традиционной культуры, но традиция реагировала проявлением адаптивных возможностей и самообновленческих ресурсов. Городская культура формировалась как гибкая и динамичная система, синтезирующая этнические традиции и новые урбанизированные формы, вызванные общественно-культурными изменениями рубежа веков.

1. Рабинович М.Г. Город и традиционная народная культура // Советская этнография. 1980. № 4.
2. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
3. Рындзюнский П.Г. Изучение городов России первой половины XIX века // Города феодальной России. М., 1966.
4. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1963.
5. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6.
6. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984.

7. Старый Петербург. Историко-этнографическое исследование. Л., 1982.
8. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М., 1998.
9. IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 2011.
10. Традиционная культура современного города. Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2010. Вып. 13.
11. Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сборник научных статей. М., 2011. Вып. 14.
12. Дзалаева К.Р. Городская культура осетин (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владикавказ, 2009.
13. Дзалаева К.Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владикавказ, 2012.
14. Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ, 2008.
15. Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010.
16. Махмудова З.У. Дербент в XIX-начале XX века. Этническая мозаичность города на «вечном перекрестке». М, 2006.
17. Культура и пространство. Книга 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010.
18. Туаева Б.В. Национально-культурная автономия на Северном Кавказе: исторический опыт и современные проблемы // Известия СОИГСИ. 2009. Вып. 3(42).
19. Город Моздок. Исторический очерк. Владикавказ, 1995.
20. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 77.
22. Терские ведомости (далее ТВ). 1884. № 52.
23. ТВ. 1885. № 64.
24. ТВ. 1911. № 78.
25. ТВ. 1917. № 44.
26. ТВ. 1899. № 27.
27. Бзаров Р.С. Владикавказский аул // Литературная Осетия. 1984. № 63.
28. Полевой материал автора. 1998.
29. Дзалаева К.Р. Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2.
30. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ, 1875. № 278.
31. ТВ. 1883. № 2.
32. ТВ. 1889. № 3.